

От издательства

Несколько лет назад в Аргентине умер 97-летний Генри К. Уолтер, в 50–60-е годы живший в США и занимавшийся психотерапевтической практикой.

Наследники не сразу разобрали архив Уолтера, а обнаружив среди бумаг коробку, в которой вместе с бобинами магнитофонных пленок лежали рисунки и какие-то записи самого Генри, едва не выбросили, посчитав неинтересной. Только желание одного из правнуков проверить, работает ли старый громоздкий магнитофон, спасло бесценный материал от уничтожения.

На пленке тонкий женский голосок, несколько сбивчиво, взволнованно и не всегда внятно рассказывал о себе... Прозвучавшие знакомые имена «Фрэнк Синатра», «братья Кеннеди», «Артур Миллер»... заставили прислушаться, а потом и прочитать вырванные из дневника Уолтера листы, которые объяснили многое.

С трудом поверив, что это голос Мэрилин Монро, повествующей о своей жизни, сомнениях, душевных терзаниях, несоответствии ее внутреннего состояния любимому всеми образу секс-пильной Блондинки, наследники решились отдать пленки на восстановление.

Немало времени прошло, пока записи были расшифрованы (не все удалось восстановить) и обработаны, еще больше, прежде чем дано согласие на их публикацию.

Одна из пленок стерта либо испорчена намеренно, именно на ней говорилось о братьях Кеннеди и Фрэнке Синатре. Неизвестно, кто предпочел удалить информацию — сам Генри Уолтер или его наследники, не желая привлечь излишнее внимание к записям, но того, что осталось, достаточно, чтобы понять: Мэрилин Монро вовсе не была пустой блондинкой, какой ее долго представляли Голливуд и средства массовой информации. Примечательны собственные слова Мэрилин: «Цвет волос не признак ума или глупости, глупо то, как меня воспринимают. Сначала проецируют на мое тело свои сексуальные фантазии, а потом меня же за это осуждают».

Вот каким текстом магнитофонные записи сопровождал в дневнике сам Генри Уолтер:

«Я увидел Ее на берегу, на самом краю пирса, явно готовую шагнуть вниз в беспокойное море. Женская фигурка сиротливо стояла, кутаясь в просторный черный плащ...

Один громкий оклик, и она сделает этот шаг. Первое, что пришло в голову, — взяться за трубку. Нелепое занятие — пытаться прикурить на холодном осеннем ветру, но ничего другого у меня просто не было, зато удалось поинтересоваться достаточно спокойно:

— Что-то случилось?

— Я потерялась...

Голос растерянного ребенка, хотя передо мной красивая взрослая женщина. В ней было что-то неуловимо знакомое...

— В городе?

Трубка, конечно, не раскуривалась.

— В жизни.

— Это серьезно... Вы не хотите уйти с ветра, здесь невозможно курить.

Она послушно поплелась следом в ближайший бар. Мы сидели и молча пили пиво. Иногда лучше помолчать. Когда женщина вдруг начала говорить, тихо и сбивчиво объясняя, что она не такая, какой ее воспринимают, что вторая выдуманная совсем вытеснила настоящую, я уже понял, кто передо мной. Черный парик, просторный плащ, отсутствие макияжа... но это была Мэрилин Монро!

А судя по тому, что она взволнованно бормотала, женщине нужно всерьез выговориться. Но ни отправиться к ней, ни пригласить к себе, ни выслушивать ее рассказ в баре я не мог. Еще немного, и остальные тоже поняли бы, кто это. Решение пришло неожиданно, я вырвал листок из записной книжки и протянул со словами:

— Вот здесь нарисуете себя настоящую...

— Я не рисую.

— Вы просто не пробовали. Мне все равно, что это будет, хоть один нос или лошадиная задница, все, что придет в голову. Попробуйте вспомнить время, когда Вы были сами собой. Свое детство, например, тогда уж точно никто не пялился на Вас масляными взглядами.

Она послушно протянула руку:

— А потом принести Вам для анализа моего состояния?

— Много общались с психотерапевтами? Я не буду анализировать. Вы нарисуете это дома, спокойно сидя в одиночестве. Просто расслабьтесь и возьмите в руки карандаш. А еще лучше вдобавок включите магнитофон и все расскажите.

— О себе?

— О том, что вспомнилось из-за рисунка. Встретимся, когда будете готовы. И не рассказывайте на каждом углу о нашей встрече и о своей потере тоже. Вот мой телефон. Я Генри. До свидания, Мэрилин.

 Мэрилин Монро

— Вы меня узнали?!

— Вы действительно слишком много набрались от своей роли. Не замечаете, когда начинаете играть, тогда не узнать Вас просто невозможно. Даже под черным париком.

Мы встречались не раз, она приносила рисунки, бобины с пленкой и ничего не спрашивала обо мне, видно, так легче. Я не слушал эти записи, понимая, что если услышу, что-то неумовимо изменится, она будет зависеть от меня, от моей оценки. Кажется, она это понимала и потому доверяла все больше.

А потом пришла пора мне уезжать, а у нее все еще продолжался разлад с самой собой. Однако у Мэрилин был психотерапевт, помощники и наставники, и она совершенно не слушала мои советы. Мэрилин умоляла не уезжать, не бросать ее.

Но я уехал, не мог не уехать, это зависело не от меня, а когда узнал о гибели звезды, понял, что должен был остаться и даже ценой собственной жизни спасти ЕЕ.

Это мой извечный грех — ЕЕ гибель».

Верните Норму Джин!

Док (можно я буду обращаться к Вам так?), я выполнила Ваше задание — нарисовала себя совсем маленькой и попыталась вспомнить, с чего все началось.

Вы никогда не боялись зеркал? Вернее, не боялись своего в них отражения?

Понимаете, люди почему-то точно уверены, что видят в зеркалах самих себя. А как можно быть уверенным?

Я всегда любила зеркала.

А теперь ненавижу.

Все из-за того вечера...

Испытанное потрясение огромно, становится жутко при одной мысли об увиденном — в зеркале... не было моего отражения! Там, привычно улыбаясь, стояла мечта миллионов мужчин всего мира Мэрилин Монро, ослепительно красивая, с идеальным телом, глазами с поволокой и приоткрытыми, словно для поцелуя, губами... Но там не было Нормы Джин Бейкер! Совсем не было. Моя роль окончательно заслонила меня. Это так страшно...

Осколки зеркала разлетелись вместе с осколками брошенного в него стакана.

Ни один психоаналитик так ни черта и не понял! Они по Фрейду вытаскивали из меня мое детство или, наоборот, меня из моего детства. А вытаскивать надо Норму Джин из Мэрилин! Или каленым железом выжигать во мне эту чертову красотку!

Уэкслер удивлялся, что я рассказываю о событиях в третьем лице: «Мэрилин сказала... Мэрилин подумала...» А как иначе? Я и впрямь рассказывала о Мэрилин, а не о Норме Джин. Мой спаситель Ральф Гринсон даже не знал, что меня зовут именно так.

Смешно, психоаналитик не знал ГЛАВНОГО.

Норма Джин и Мэрилин не одно и то же, но всем нужна эта БЛОНДИНКА, и я никак не могу ее победить. Пусть бы существовала на экране или на публике, однако она захватила всю мою жизнь! Благодаря ей я очень многое приобрела, но еще больше потеряла.

Однажды я целый вечер провела в обнимку с телефоном, но, тсс... об этом никому нельзя рассказывать — упекут в психушку.

Набирала номера наугад, если отвечал мужской голос, представлялась репортером дамского журнала и спрашивала, с кем они хотели бы переспать, если могли выбирать любую женщину в мире, включая английскую королеву. На листе двадцать одна галочка — столько удалось опросить. Звонков было больше, но нашлись те, кто просто послал к черту. Два человека сказали, что ни с кем, один назвал свою жену (подозреваю, та просто стояла рядом и слушала), остальные ответили: «Мэрилин Монро».

Десять лет назад я визжала бы от счастья, потому что все мужчины мира хотят меня! Сейчас знаю, что не меня, а ту самую роскошную блондинку с приоткрытым ртом и глазами с поволокой, которая поселилась во мне.

Что мне делать, как ее вывести или хотя бы ограничить рамками съемочной площадки? Я не могу никому рассказать об этом раздвоении, даже Гринсону, очень надеюсь, что он поймет сам.

Временами, кажется, понимает, даже пытается помочь, но почти сразу выясняется, что понял не так.

Глупости, глупости, глупости!

Но где-то же осталась Норма Джин Бейкер, та, которую превратили в Мэрилин Монро?! Она не могла погибнуть, исчезнуть, пропасть, она где-то есть?

После встречи с Вами вернулась домой, растерянно сжимая в руке помятый листочек в клеточку, вырванный из записной книжки, почему-то казалось, что именно в нем мое спасение. Даже ладони вспотели от предвкушения близости освобождения...

Вы правы, это должно помочь. Я справлюсь, смогу возродить Норму Джин, я не сдамся.

Цвет волос не признак ума или глупости, глупо то, как меня воспринимают. Сначала проецируют на мое тело свои сексуальные фантазии, а потом меня же за это осуждают. Не меня — ЕЕ, просто люди не видят, что нас двое.

Вот почему я все-таки нарисовала картинку и попыталась все объяснить. Вам или себе — не знаю, это даже не важно.

В фильме «Река, не текущая вспять» Мэтт говорит: «Если человек не знает, что ему делать, куда идти, нужно вернуться назад и начать сначала».

Детство

Говорят, в детстве я была очаровательным ребенком — не болела, не капризничала, вовремя спала и хорошо ела. А еще радовалась жизни, не подозревая, что меня едва не придушили подушкой. Честно, честно! Есть маленькая фотография, где я в младенчестве. Там я вот такая — с толстыми щечками и чубчиком.

Правда, видели все это чужие люди, а не моя мама. Глэдис отдала меня в семью Болендеров в двухнедельном возрасте, испугавшись, что не справится с ребенком сама. Потом забрала обратно, потом снова отдала. Я всего этого не помню, но Болендерам за заботу благодарна. У них многолюдно, шумно и по-детски беззаботно, может, я была слишком мала, чтобы замечать проблемы, но ничего плохого за те годы не помню. Там точно жила Норма Джин Бейкер.

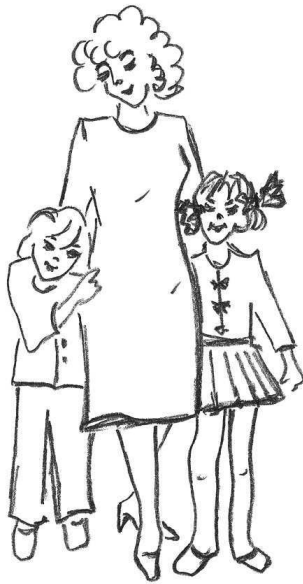
У меня есть фотография, на которой мы с мамой где-то на пляже и я совсем маленькая. Мама у меня красивая, даже сейчас после стольких лет психиатрических лечебниц, стольких лет болезни она сохранила остатки былой красоты. Возможно, это

кажется, ведь в клинике меня встречает вечно недовольная, раздраженная женщина, не всегда узнающая дочь, но всегда готовая отругать.

Глэдис Бейкер хотела вырастить дочь великой киноактрисой, копией Джин Харлоу, но очень боялась ответственности и переложила ее на других. Оправданием служило то, что Глэдис время от времени ложилась в психушку. Удивительно, она запрещала называть себя мамой («Зови меня Глэдис!»), но отказывалась дать согласие на удочерение другими, поэтому мне пришлось часть детства прожить в приюте и во временных приемных семьях. А мне так хотелось иметь постоянный дом.

Как я представляю свое детство? Вот так, видите — они все вместе, а я одна, всегда одна и отдельно...

Конечно, ко мне относились неплохо, особенно Болендеры, но никто не позволял называть себя мамой! Очень обидно быть ничьей. Я думала, это потому, что я плохая, старалась быть приветливой и чаще улыбаться. Мне и сейчас кажется, что нужно улыбаться, чтобы нравиться людям...

Скажу по секрету (почему незнакомым людям секреты раскрывать легче?): во мне всегда жило вот это желание быть приятной, никому не надоест, не досаждаю, получить одобрение. Наверное, из-за необходимости подстраиваться под жизнь разных семей, чтобы меня не отдали, не прогнали, не выбросили вон, как щенка...

Фрейд прав, все идет из детства. Я и сейчас заискиваю, как безродный щенок, и цепляюсь за каждого, кто может меня приласкать или пнуть ногой, и от всех завишу.

Не помню, заикалась ли с самого начала или это результат испуга.

Мама едва не сунула меня в таз с кипятком, видно желая искупать и просто не сознавая, что не добавила туда холодной воды. Я кричала так, что переполошила соседей, от стресса маме стало совсем плохо, теперь кричала уже она. Меня заперли в дальней комнате, чтобы ничего не видела, но не слышать сумасшедшие вопли и дикий хохот невозможно.

В памяти осталось, что это я позвала на помощь и маму забрали в больницу. Умом понимаю, что она едва не сварила меня заживо, и призыв о помощи спас если не жизнь, то здоровье, но в душе вина: из-за меня маму уpekли в психушку. Помешательство в нашей семье наследственное, говорят, в младенчестве меня едва не задушила подушкой бабушка, чудом спасли соседи.

Но бывали и в моем детстве счастливые годы, когда я жила у Болендеров или у мамы случалась ремиссия. Она заботилась обо мне, даже купила в рассрочку дом и привезла туда белый рояль в надежде, что ее Норма Джин научится играть и петь, но пока иг-

рала сама, я была слишком мала. Вернее, Глэдис не играла, а просто лупила по клавишам, звуковая какофония помогла ей снова свихнуться и попытаться засунуть меня в кипяток.

Рояль был замечателен тем, что раньше принадлежал Фредерику Марчу. Но его давным-давно не настраивали, у мамы на настройщика денег не было, зато была мечта купить еще два кресла и слушать мою игру, сидя в одном из них.

Став состоятельной, я разыскала и выкупила этот рояль. Где-то есть снимок — мы с роялем, хороши оба, но у белого рояля стоит Мэрилин Монро. А дом забрали за невыплату кредита.

Фотографии тоже помогают вспомнить... Я достала большую коробку, в ней тысячи снимков, и на многих я такая смешная...

Почему-то, представляя рояль, я вспоминаю не звуки (пусть даже какофонию), а грузчиков, которые его доставили. Особенно одного, он был такой огромный, чуть меньше самого рояля, во всяком случае, тогда мне казалось так. Я думала, что если бы захотел, то он смог бы взвалить эту белую махину себе на спину и понести.

Но он оказался водителем грузовика, развозящего мебель, и ничего не носил! Рояль тащили два довольно хилых мужичка, нанятых мамой на улице. Смешно?

А я все равно вижу рояль у него на спине — большой рояль на спине большого мужчины.

Меня взяла к себе тетя Грейс. Наверное, мы жили бедно, я была слишком мала, чтобы это понимать, но часовые очереди за вчерашним дешевым черным хлебом по двадцать пять центов помню. Тогда я думала, что все живут так же... Грейс — мамина подруга, они вместе проявляли пленки на киностудии, и обе обожали Кларка Гейбла и знаменитую блондинку Джин Харлоу.

Грейс тоже мечтала, что я стану кинодивой, она водила меня в кино и все время твердила, что я красавица.

Я так в это поверила, что, когда Грейс уже не смогла меня содержать и отдала в приют, оказаться среди не столь приветливых людей и понять, что ты ничем не лучше других, было особенно тяжело. Увидев слово «приют», я отчаянно цеплялась за Грейс и кричала, что не сирота, у меня есть мама!

Не знаю, как выглядела в то время, фотографий приютских лет нет. Тех, кто имел две блузки, две юбки, заштопанное и уже ношенное кем-то нижнее белье и такие же заношенные башмаки, не завивали, не водили в кино и не фотографировали. У воспитанницы номер 3463 не было фотографий счастливого детства. Чтобы выжить, там надо стать как можно незаметнее и ни на что не жаловаться. Я научилась.

С тех пор я терпеть не могу нижнее белье, даже новое, оно кажется мне уже ношеным.

Потом Грейс нашла работу и забрала меня к себе, снова мы сидели в темном зале, наблюдая, как на экране белокурые красавицы влюбляются в ковбоев или принцев и выходят за них замуж. Наглядевшись экранных страстей, Грейс тоже влюбилась, ее мужу Эрвину Годдарду вовсе не нужна Норма Джин, у него были свои дети. Годдард пил, вместе с ним прикладывалась к бутылке и Грейс. Я вернулась в приют.

На одном из снимков они вместе — голова к голове, такие чистенькие, ухоженные и красивые, у Грейс укладка и шляпка, Док в костюме и при галстуке. И трезвый, что бывало все реже. Док — это его прозвище, хотя он вовсе не доктор и никакого отношения к докторам не имел. Грейс навещала меня по субботам, привычно водила в кино и обещала забрать, как только наладятся дела. По ее голосу я понимала, что дела не наладятся никогда.

Меня хотели удочерить, и не раз, хотя детей в таком возрасте берут в приемные семьи редко. Говорят, я была хорошенькой, не знаю, в нашем приюте зеркал не водилось и фотографий не делали. Но мама не позволила, в момент просветления она из больницы не вышла, зато оформила отказ в удочерении ее девочки. Даже когда я сама написала Глэдис письмо с просьбой согласиться и обещанием не забывать ее и помогать, когда вырасту, в ответ получила сплошные материнские проклятья неблагодарной дочери. Неблагодарной дочери пришлось остаться в приюте вместо того, чтобы жить в нормальной фермерской семье на довольно большом ранчо.

В школе на нас показывали пальцем, издевались над одинаковыми блузками и юбками, много над чем, а у меня и над заиканием. Я привыкла помалкивать, а мне так хотелось быть разговорчивой и общаться наравне с остальными! Заика из детского дома, к тому же вдруг вымахавшая, как телеграфный столб! Сейчас у меня рост всего на полдюйма больше, чем был в одиннадцать-двенадцать лет. Одежда мала, всюду углы и никакой милости. Какая уж тут Джин Харлоу!

Грейс стало совестно, и она снова забрала меня из приюта, но снова ненадолго, правда, теперь возвращать не стала, а принялась передавать из семьи в семью своих родственников. Тем, кто брал приемыша, пусть и ненадолго, платили — пять долларов в неделю.

На пять долларов, наверное, содержать ребенка невозможно, поэтому я была обузой. Как щенок или котенок, которого подбирали на улице, забыв, что на уик-энд придется уезжать и по делам время от времени тоже. А еще тетушка не выносит запаха животных, поэтому, когда она гостит, щенка лучше подсунуть соседям и на праздники куда-то деть, чтобы гостям не мешал...

Тогда я мечтала, как, став звездой, богатой звездой, обойду все семьи, в которых жила за это время, и всем доплачу до двадцати долларов в неделю за Норму Джин, чтобы они не чувствовали себя обиженными.

Всем заплачу, даже Эллиотам, у которых спала в уголке у самой двери, кушать садилась последней, потому что не было места, а ванну принимала, когда в ней помылись уже все. Пусть знают, что я не жадная.

Почему я не могла жить у Грейс за те же пять долларов, почему она отправляла меня ко всем своим родственникам подряд? Может, если бы платили больше, то подкидыша не возвращали обратно в приют? Меня неотступно преследовала мысль: как стать дорожке? Я даже подрабатывала в приюте мытьем посуды, хотя это тошнотворное занятие, и все же скопила только 20 долларов...

Но для тех, у кого я жила, даже двадцать центов были деньгами, а уж двадцать долларов почти богатство. Это не нищета, но очень-очень скромная бедность.

Не подозревала, что у меня есть собственная сестра Бернис, которая старше на целых семь лет, что они с братом живут у первого мужа нашей матери и меня даже готовы были бы приютить у себя, если бы знали о беде. Почему Грейс ничего не сказала о первой семье Глэдис Бейкер?! Почему она так легко швыряла меня из дома в дом, не думая, каково быть всегда и во всем последней, отвечать на насмешки девочек в школе: «Из какой семьи ты сегодня пришла на занятия, Норма Джин?» Я не могла огрызаться, наоборот, всем улыбалась и молчала, даже если меня называли «человеческим бобом». Пусть лучше смеются, чем не замечают совсем. Никто не знает, как это тяжело — быть никому не нужной и незаметной, когда ты есть, но тебя нет. Как хотелось иногда крикнуть: «Я Норма Джин! Я есть, и я здесь!»

И все-таки родственники «кончились», однажды меня некому стало забирать, Грейс стоически решила, что возьмет беднягу в свою семью. Удивительно, но Годдард не был против, мы даже подружились с его дочерью Элинор, которую все звали Бебе, я считала ее своей сестрой. Снова был дом, была семья, пусть и приемная, даже была сестра и свой постоянный уголок. Почти счастье...

Фотографии той Нормы Джин у меня были, нас снимали всей семьей, но все снимки у Грейс, ведь это их семья, а я просто подкидыш.

Вы не были подкидышем? Тогда Вам здорово повезло, потому что сознание, что ты ничья и никого не можешь назвать мамой или папой, сильно отравляет жизнь в детстве, даже если в остальном все хорошо. Понимаете, это внутреннее ощущение затаившегося зверька. Я наблюдала за играми детенышей хищников, как бы они ни играли, они всегда настороже. Вот так и ничьи дети, можно улыбаться, стараться быть веселой и всем нравиться, но внутри живет ожидание, что кто-то ткнет в тебя пальцем и скажет:

— Эй, Норма Джин, ты ничья! У тебя нет мамы и папы.

У меня была мама, но она запретила называть себя так, боялась ответственности. И я ничего не знала об отце.

Фрейд прав: у человека все идет из детства. Мое одиночество, как бы старательно я ни прятала его за широкой улыбкой и приветливостью, все равно со мной. Три замужества, множество любовников и никого рядом. Только вот это отражение — Мэрилин Монро. Или это уже я ее отражение?

У нас в классе была Лизбетт, считавшаяся авторитетом, потому что она умела правильно целоваться и у нее был взрослый парень, о свиданиях с которым Лизбетт рассказывала небывлицы. Позже я поняла, что действительно небывлицы, поскольку

ку закатывать глаза от одних только французских поцелуев смешно.

Меня Лизбетт не любила и звала тощей жердиной с выменем. Это потому, что у меня первой из класса вдруг начала расти грудь. Ни у кого другого, даже у Лизбетт еще ничего не было. У старших девочек была, и они этим страшно гордились. Зато Лизбетт гордилась умением целоваться.

Не поверите, но я радовалась тому, что меня обзывают. Ведь это куда лучше, чем не замечать, правда?

Все равно для меня жизнь у Годдардов казалась вполне счастливой, пусть и не слишком обеспеченной, вернее, совсем не обеспеченной, но я другой не знала. Мы сэкономили на всем, и двадцать пять центов были заметными деньгами, а от десяти долларов приходили в восторг. О кино пришлось забыть, водить на киносеансы двух девочек Грейс уже не могла, расходы и так превышали доходы. Но я все равно помнила Кларка Гейбла и Джин Харлоу.

Однажды в минуту просветления Глэдис показала мне портрет мужчины, чем-то напоминающего молодого Гейбла, и сказала, что это и есть мой отец. Остальное доделало воображение, я стала говорить всем, что моя мама больна, но мой отец Кларк Гейбл, что тоже было поводом для насмешек.

Ван-Нейси – пригород Лос-Анджелеса, а мама и Грейс работали на киностудии, правда, проявляли пленки, но ведь могли же быть знакомы с актерами? Этого оказалось достаточно, чтобы поверить в свою придумку. Той фотографии у меня нет, я так никогда и не увидела своего отца, хотя позже нашла его. Он отказался разговаривать со своей дочерью даже по телефону, ведь Норма Джин еще не была знаменитой... Я не знаю, действительно ли он похож на Кларка Гейбла. И даже не знаю, действительно ли он мой отец.

Любила меня только тетя Энн. Энн Лоуэр я не забуду никогда. Она не ругала, не кричала, в ее доме и в душе царили любовь и ласка! Что это такое, может представить себе только тот, кто никогда прежде такого не знал. Но тетя Энн была старой и очень больной, потому взять меня к себе не могла. Я просто ходила к ней помогать по хозяйству и отогреваться душой.

Мой любимый снимок, где тетя Энн сидит позади меня, а еще две соседки просто стоят. У нее очень доброе лицо, она и сама очень добрая.

Когда случилась беда, именно к тете Энн я прибежала искать защиту. Это когда пьяный Годдард попытался научить меня тем самым французским поцелуям. Получается, что французские поцелуи сильно повлияли на мою судьбу, потому что обеспокоенная тетя Энн оставила несчастного подкидыша у себя. Жить в доме Годдардов было уже нельзя, он сам часто пил, а Грейс стала смотреть на меня косо. Тогда я этого не понимала, просто испугалась. Куда девать меня, непонятно, пятнадцатилетняя рослая, уже вполне оформившаяся девушка была обузой еще большей, чем пятилетняя девочка.

А Доку Годдарду предложили работу в Западной Вирджинии. Брать меня с собой никто и не подумал, но и оставлять насовсем у тети Энн тоже нельзя.

И Грейс решила, как всегда не спросив меня. Она договорилась с соседкой Этель Догерти о том, что ее сын Джим... женится на мне! Джим – хороший парень, но мне-то всего пятнадцать! Конечно, я была рослой и с приличной для своего возраста фигурой, но Джимми почти на шесть лет старше. Грейс только фыркнула:

– А ты хотела, чтобы он был моложе?

После случая с Годдардом она относилась ко мне так, словно я виновата в поведении ее пьяного мужа.

Мэрилин Монро

Выбор невелик – замужество или снова приют. Тетя Энн могла подержать меня у себя лишь несколько месяцев.

Меня выдали замуж за Джима. Но я расскажу потом, сейчас устала...

Миссис Догерти

Док, можно я буду рассказывать все, что придет в голову? Мне так легче. Я никогда не отличалась последовательностью, а теперь тем более.

Я так много и подробно рассказала о детстве, что даже сама удивилась. Но мне больше не хочется, во всяком случае, не сейчас...

Однажды я уже пыталась рассказать о себе Б. Х., а он все рассказы облагородил и превратил в книгу. И даже не поставил свое имя в качестве автора. Он очень-очень талантливый, даже гениальный, и очень добрый.

Но когда все было готово, я вдруг ужаснулась — вот уж где точно не было Нормы Джин! Х. все написал правильно, даже не знаю, что меня испугало, тогда я не смогла объяснить, что именно, а сейчас вдруг поняла — я отказывалась от Нормы Джин, старалась ее забыть! И, если честно, многое приукрасила. Понимаете, когда знаешь, что это прочитают другие, хочется выглядеть и умнее, и лучше, чем ты есть на самом деле, хочется оправдаться.

Пока смотрела детские фотографии, пришла одна мысль: а ведь на многих видна Мэрилин! Понимаете, она уже была во

мне, может, именно ее видела Грейс, когда прочила будущее кинозвезды?

Вы читали «Лолиту» Набокова? Конечно, читали. Помните, как там называли юных девушек, в которых проснулась чувственность? Нимфетками.

Я смотрю на свои фотографии и понимаю, что на них нимфетка. Настоящая нимфетка. Но во мне еще ничего не проснулось, правда, правда. Однако взгляд, позы, какая-то особая аура... Я ничего не чувствовала, никакого ни к кому влечения, улыбалась и смотрела зовущим взглядом бессознательно, но Мэрилин во мне уже проснулась. На меня заглядывались, предлагали поднести книги и пакет с бутербродами, свистели вслед, зазывали, редко кто из молодых людей (и не только молодых) мог спокойно пройти мимо, не обернувшись или не скосив глаза.

Я все это замечала и даже быстро научилась пользоваться. Полуулыбка, зовущий взгляд легко обманывали всех вокруг. Чуть приоткрытые губы появились именно тогда. Получается, что, не сознавая, играла роль сексапильной блондинки. Играла или уже была ею?

Иногда кажется, что два человека во мне жили всегда и сильнее становилась то одна, то другая. Это тоже разновидность сумасшествия, только иная, чем у моей мамы? Я всегда до смерти боялась последовать за ней.

Мое первое замужество было странным, оно не сделало меня несчастной, но и ничего не дало. Единственной положительной стороной оказалось то, что я перестала быть сиротой. Я уже не была ничьей, живущей в семье из жалости. Это я так думала, в действительности же Джим женился, именно пожалев. Этель объяснила сыну, что если меня не взять замуж, то я снова отправлюсь прямиком в сиротский приют до совершеннолетия, а это страшно.

Конечно, я нравилась Джиму, и он мне тоже. Но в таком возрасте ничего не знала о любви и старалась общаться либо с детьми, много меньше себя, либо со взрослыми женщинами, которые не разговаривали в моем присутствии на фривольные темы. В качестве невесты я была совершенным ребенком, даже спрашивала у Грейс, можем ли мы с Джимом, поженившись, остаться только друзьями.

Понимаю, что, рано оформившись внешне, такими вопросами производила впечатление либо полной дурочки, либо настоящей хитрюги, играющей невинность. Кажется, Грейс, помня интерес своего супруга ко мне, больше склонялась ко второму. В ответ было сказано, что вполне созрела для нормальных супружеских отношений, тем более пройдет несколько месяцев, пока мне исполнится шестнадцать и Джим сможет взять меня в жены, и я успею окончательно повзрослеть.

Конечно, Джим тоже времени зря не терял, он научил меня целоваться уже не по-французски, а по-настоящему, но дальше дело не пошло, он не глуп и прекрасно понимал, что может быть наказан за связь с несовершеннолетней.

На нашей свадьбе с моей стороны была только тетя Энн, Годдарды уже уехали, а Болендеры почему-то не пришли, наверное, не смогли оставить кучу своих приемных детей.

Джим сбрил усы и сразу стал моложе своих лет, на фотографии я выгляжу даже старше его, хотя в действительности мне только исполнилось шестнадцать. Джим хороший, он меня не обижал, напротив, старался немного баловать. Мы сразу сняли квартиру из двух крохотных комнат, чтобы жить самостоятельно, и я принялась воплощать свои мечты о доме и семейном уюте.

Я была очень благодарна Джиму за то, что он избавил меня от клейма сироты, и очень старалась угодить, особенно в постели, просто не представляя, как это сделать.

Я так подробно рассказываю о своем первом браке, который, в общем-то, ничего мне не дал, хотя и не сделал несчастной, потому что он поучителен. Сейчас, пережив уже три брака, которые были разными, могу сказать, что этот первый был самым спокойным и самым крепким, хотя разрушила его я сама.

Это совершенно обычный, очень похожий на тысячи других брак, просто двое начинают жить вместе, спят друг с дружкой по обязанности, рожают детей, работают, чтобы содержать семью, иногда ссорятся, но чаще всего молчат, по вечерам играют в карты, старятся и умирают, оставив дом и долги детям.

Нет, мы с Джимом не ссорились, но молчали. Молча проводили вечера, молча отправлялись в постель... нам не о чем было разговаривать, у нас не было общих интересов. В выходные шли в кино или на танцы, но это быстро прекратилось, потому что наблюдать, как на его жену откровенно глазают другие, Джим не мог, страшно раздражался.

Школу мне пришлось бросить, туда не ходят замужние женщины. Работать рано, никуда не брали, приходилось сидеть дома, поджидая супруга с работы, в то время Джим работал на авиационном заводе и мечтал о подвигах, как я мечтала о кино. Когда-то Грейс зародила во мне опасную мечту стать звездой экрана, но ничего не сделала, чтобы эта мечта могла осуществиться, напротив, выдав замуж за Джима, совсем перекрыла дорогу к ее исполнению.

Я была не слишком прилежной женой, просто не представляя, как собирать мужу завтрак на работу, как за ним ухаживать, не умела многое. Зато открыла для себя мир книг. Читать любила и раньше, но теперь делала это с особым рвением. Я не умею читать понемногу и вдумчиво, если взяла книгу в руки, то должна «проглотить» ее и не способна заниматься чем-то еще, пока не закончу. Правда, не всегда дочитываю, мне кажется, ни к чему знать, чем же закончится та или иная история, достаточно по-

нять характеры героев, а окончание даже интереснее придумать самой. А еще мне всегда нравились красиво построенные фразы, в которых слово цепляется за слово, складываясь в цепочку и обретая особый ритм. Именно поэтому люблю белый стих и так называемый поток сознания...

Но откуда взять хорошую литературу в доме Догерти? Книги стоили дорого, покупать их никому не приходило в голову, а в библиотеке на полках обычно стояло то, что не представляло особой ценности и читалось легко. Все же наш район Лос-Анджелеса славился вовсе не библиотеками или театрами, а пивными и драками.

Я все равно читала, как потом выяснилось, всякую ерунду, так и не получив представления о настоящей литературе. С ней меня познакомили много позже. Становится обидно, когда понимаю, сколько лет пропало, сколько прочитала книг, которые можно и не брать в руки, и сколько не успела прочесть! Но прошлых лет не вернешь, я и сейчас очень люблю читать, хотя из-за разных лекарств делать это становится все труднее.

Джима такие интересы юной супруги вовсе не устраивали, он предпочел бы порядок в доме, вкусный ужин, а не жену, отгородившуюся книгой. Сам Догерти не слишком любил чтение, зато не меньше меня мечтал. Джиму очень хотелось отправиться воевать, казалось преступлением, что он сидит дома, а настоящие парни где-то сражаются с врагом. Думаю, Этель Догерти настояла на нашей свадьбе, отчасти надеясь присутствием молодой жены удержать своего сына. Возможно, Джим действительно ушел бы в армию добровольно, он даже пытался это сделать сразу после свадьбы, но я не пустила, вцепившись в него, как клещ. Казалось, если он уйдет, то это навсегда, и я снова останусь никому не нужной.

Работа на авиационном заводе тоже вклад в победу на фронте, но Джим так не считал, ему хотелось подвигов, настоящей муж-

ской дружбы, хотелось на флот. Он часто говорил, что настоящие мужчины только там, на кораблях, где среди бушующих волн чувствуется надежное плечо товарища.

Я была бы не против мужественного, героического мужа, если только для этого ему не пришлось отправляться куда-то далеко. Едва обретя семью и перестав быть одинокой, я не могла оставаться одна, отъезд мужа равносильен предательству.

Джим решил, что останется в Лос-Анджелесе, но станет пожарным.

Но он все равно ушел на флот, и не последнюю роль в этом сыграла нимфетка Мэрилин.

Единственным доступным нам развлечением были танцы по выходным или пляж. Но если для меня это радость, то для Джима любой выход из дома вместе со мной превращался в пытку. Мне вслед снова свистели, отпускали шуточки, зазывали, не обращая внимания ни на демонстрируемое обручальное кольцо, ни на присутствие супруга. Джимми бледнел, краснел и требовал вернуться.

Подозреваю, что ему просто надоела супруга, мало что умеющая дома, но столь привлекательная для других.

А еще он мне изменял, я знаю точно. Все же мы поженились не по страстной любви, и у Джима была девушка — «Мисс Санта-Барбара», очень красивая, красивее меня. Муж часто пропадал по вечерам, а то и ночью, отговариваясь приятелями, которых тоже было немало, но я знала, что он с женщиной. Потом однажды получила подтверждение... Но что я могла — потребовать верности, развестись? Джим дал бы мне развод, ему уже не столь нужна наша семья, куда проще одному, хотя относился муж ко мне хорошо.

Развод не могла допустить я сама, потому что это означало бы снова одиночество и ненужность. К тому же мне просто некуда было идти! Годдарды уехали, тетя Энн очень больна, работы

нет, мама в больнице... Но я не столько боялась, что негде и не на что будет жить, сколько того, что и эта семья отказалась от меня! Чем больше я цеплялась за Джима, тем больше ему хотелось вырваться.

Наверное, я слишком прилипчивая, стараюсь прицепиться к любому, кто хоть как-то выскажет свою приязнь настолько, что хочется оторвать от себя. Может, потому от меня сбегают мужья, любовники и даже друзья? Но я не могу иначе, до сих пор боюсь остаться одна. Одиночество — это очень-очень страшно, Док.

Джима призвали в армию, он перебрался на остров Каталина. Я больше всего боялась, что он откажется брать с собой меня. Не отказался, взял, но там не очень много женщин, зато много сильных молодых парней, которые свистели и улюлюкали вслед куда чаще, чем в Лос-Анджелесе. Муж злился и постоянно был мной недоволен: я никудышная кухарка, слишком много внимания уделяю своей внешности, а еще нарочно привлекаю внимание мужчин. Я готова была не выходить из дома, чтобы не привлекать ничье внимание, научиться готовить лучше всех американских поваров вместе взятых, только бы он не отказывался от меня, но, кажется, не могла удовлетворить его в постели.

Джимми был рад, когда через несколько месяцев его направили служить далеко от дома и Санта-Каталины. Подозреваю, что он сам напросился.

Не оставаться же мне одной на учебной базе? Пришлось перебраться в дом к свекрови. Этель Догерти относилась ко мне прекрасно, жизнь у нее была спокойной и комфортной, хотя тоже не слишком обеспеченной, но я не капризна и не требовательна. Этель устроила меня работать на завод «Радиоплан», где собирали небольшие самолеты-разведчики — наносить лак на крылья за 20 долларов в неделю. Я не одна, но все равно чувствовала одиночество и скучала...

Почему я вдруг стала сниматься для журналов? Уж точно не из-за денег. Хотя и из-за них тоже. Деньги давали некоторую свободу.

Понимаете, Док, я всегда от кого-то зависела, сначала от людей, у которых жила, от Грейс, от тети Энн, от одноклассников, боялась чужого осуждения и даже просто оценки. Потом стала зависеть от Джима Догерти. Семья Догерти относилась ко мне хорошо, Этель — прекрасная свекровь, да и Джим не обижал. Но я была словно довеском в их жизни.

Когда вспоминаю нашу с Джимом семью, понимаю, что ее и не было вовсе. И дело не в изменах, просто Джим женился на мне под давлением и из жалости, он был не готов стать настоящим мужем и главой семьи, а я тем более. Ну какая из меня супруга? Наверное, если бы Грейс не внушала мне мысль о том, чтобы стать киноактрисой и даже звездой, я смирилась бы с положением жены, ждущей мужа из очередного плавания и прекрасно понимающей, что рогата. Но киноэкран и мечты о карьере вроде Джин Харлоу навсегда вторглись в мое сердце и мои мысли, жизнь просто в качестве мисс Догерти казалась никчемной.

И все равно ничего не изменилось бы, не будь той съемки в цеху. Я работала на авиационном заводе, покрывая страшно вонючим лаком фюзеляжи самолетов. Нет, это не были лайнеры, мы делали маленькие самолеты-разведчики, но какая разница?

К этому времени Джим снова отбыл далече. Я прекрасно понимала, что он должен это делать, потому что служит на флоте, но невольно чувствовала себя брошенной. Меня снова предавали, как щенка, брали к себе и бросали, уезжая.

Я была уже достаточно взрослой и не плакала, однако обвиняла себя сильно. Казалось, что я снова не угодила всем, я не такая, как надо, неправильная, не способна удержать мужа дома. Этель успокаивала, твердя, что Джим давно, задолго до нашей свадьбы мечтал о дальних путешествиях и о море, но легче от ее рас-

сказов не становилось. Понимаете, я снова не соответствовала каким-то требованиям, из-за чего меня бросали. Ведь если бы я была очень хорошей еще до рождения, наверное, отец не отказался бы признать меня своей дочерью. И если бы я была замечательной девочкой, меня не передавали бы из семьи в семью. Вот и теперь я не смогла стать настоящей хорошей женой, без которой муж не смог бы прожить и дня, а потому ему не пришлось бы в голову уйти в море надолго. Я не такая, я неправильная, я недостойна... Я не заслужила.

Вот этот рок — недостойна — висит надо мной всю жизнь. Я НЕ СМОГЛА. Джимми приезжал домой на Рождество, и я очень надеялась, что смогу уговорить его уйти со службы и жить дома постоянно, но Догерти на уговоры не поддался и по окончании отпуска снова отбыл на свой корабль. Муж ушел в море, а я осталась соломенной вдовой. Конечно, можно было бы просто завести себе приятельниц и приятелей, даже любовника, но мне вовсе не хотелось вот так размениваться. И потекла очень нудная и скучная жизнь. Правда, недолго.

К нам на завод приехала группа фотокорреспондентов делать снимки для разных журналов с военной тематикой. Их репортаж должен рассказывать, как девушки в тылу стараются ради победы. В Лос-Анджелесе мало заметно, что идет война, разве изредка видны корабли на рейде, но это не слишком волновало, к тому же война подходила к концу. В остальном жизнь текла сама по себе. Но мы работали на заводе, который поставлял продукцию для военных, потому о войне не забывали.

Я оказалась в числе тех, кого приняли снимать. Мне всегда нравилось фотографироваться. Обычно перед публикой я смущаюсь, даже сейчас, когда сделаны тысячи моих снимков, сыграно множество ролей, даны десятки интервью и много раз пришлось выступать перед огромными толпами поклонников и

даже недоброжелателей, я все равно делаю первый шаг с содроганием, только усилием воли. А тогда смущалась до заикания.

Но, знаете, позировать перед публикой и перед объективом камеры не одно и то же. Когда выходишь к людям, страшно услышать или увидеть сиюминутное неодобрение, понять, что что-то не так, а исправить уже нельзя. А перед камерой иначе: во-первых, ты не видишь будущих зрителей, и можно разговаривать с ними мысленно, представляя себе очень доброжелательную публику. Во-вторых, снимок всегда можно переделать, отретушировать, переснять, в конце концов! И вот когда ты знаешь, что все можно исправить и это зависит только от фотографа (обычно настроенного доброжелательно) и от тебя самой, тогда можно работать спокойно.

Нет, позирование — это даже не работа. Я была перед камерой не просто спокойна, я была раскована от этого спокойствия. Сейчас я понимаю, что тогда еще не было множества придирок со всех сторон, поучающих наставлений, критических замечаний, недовольства, а только просьбы:

— Норма Джин, давай! Ну-ка, детка, повернись другим боком. А теперь улыбнись на камеру так, словно хочешь соблазнить всю Америку сразу!

Я поворачивалась, улыбалась, покоряла. Сначала на заводе, где делались снимки для армии, потом в фотоателье, где меня снимали для журнала (безо всякого эротического налета), потом в модельном агентстве.

Думаете, это просто — едва обретя семью, пусть и с отсутствующим мужем, но все же со свекровью, с домом, которого у меня никогда не было, с родственниками, пусть и со стороны мужа, вдруг все бросить и решиться начать новую жизнь, совсем ненадежную и неизвестно к чему ведущую?

Тогда я не смогла послушать фотографа Конновера и стать настоящей моделью, не была готова. Ведь впервые за всю пусть

**Плаваю плохо, но покрасоваться
в купальнике люблю**

и короткую жизнь у меня была семья, родственники, готовые меня любить, но одновременно впервые за столько лет у меня были деньги.

Когда на Рождество в отпуск приехал Джим, я смогла себе позволить принять его почти по-королевски, во всяком случае, тогда нам казалось так. Муж уже знал, что я подработала фото-моделью, но не придавал этому значения, правда объяснив, что это ненадолго, как только он приедет в следующий раз, мне придется забыть обо всяких глупостях, потому что уже пора подумать о ребенке. Нет, не сейчас, пока рановато, но в следующий раз, пожалуй, будет пора...

Удар! Муж не собирался оставаться дома и становиться моей каменной стеной, он снова меня бросал. Никто не смог бы убедить меня, что служба заставляет Джима бывать дома наездами, я воспринимала это как предательство.

Но у меня была еще одна зацепка, я копила деньги для подарков не только Джиму и Этель Догерти, не только для тети Энн и Грейс, но и для... отца! Грейс открыла мне имя моего отца — Стэнли Гриффорд. Это сейчас я понимаю, что все очень неточно, что отцом мог быть вовсе не Гриффорд, у матери было немало поклонников, но тогда показалось, что стоит мне увидеться с отцом и все наладится. Что все? А все в жизни, ведь теперь у меня были сестра, племянники, муж, свекровь, немало родственников и даже отец! Знаете, это может оценить только тот, кто долго-долго был ничьим, никому не нужным, одиноким.

Мир уже не просто улыбался мне, казалось, жизнь расцвела всеми красками. Да, конечно, Джимми прав, он вынужден зарабатывать немного денег, но он вернется, у нас будет ребенок, а мой отец станет счастливым дедом! Я не могла просто так смириться со своей ненужностью никому, даже Джиму. Ничего, он почувствует, что не может без меня и дня, и быстро вернется. Разве может служба на флоте заменить горячие объятия супруги?

Но сначала нужно разыскать отца, Джим должен знать, что женился не на безродной сиротке, которую из жалости пригревали то в одном, то в другом доме. Моя мать больна, а отец просто не подозревал о моем существовании, если бы знал, то наверняка обрадовался. Обрадовалась же сестра!

Я сумела раздобыть телефон Стэнли Гриффорда.

Так я представляю себе обрывание крыльев у птицы... Стэнли Гриффорд не захотел разговаривать с какой-то Нормой Джин! А его супруга посоветовала обратиться к адвокату, если у меня есть какие-то материальные претензии.

У меня не было материальных претензий, я просто хотела подарить отцу подарок на Рождество, а еще хотела, чтобы он знал, что я любила его все эти годы, даже когда было очень плохо и одиноко, даже не зная, кто он и жив ли вообще. Мне не нужна материальная помощь, я уже могла зарабатывать сама, мне нужен отец, пусть не рядом, но чтобы он знал о своей дочери, а я знала, что он знает.

Теперь он знал, но не желал этого знания...

У меня снова не было отца, а мой муж сбегал от меня. Даже имея родственников, я снова оказалась никому не нужна, всеми отвергнута. Снова одиночество...

Но и это оказалось не все. Дэвид Конновер, тот самый, что сначала делал мои снимки на заводе, а потом у себя в ателье, пригласил поснимать на природе. Я видела, что Дэвид неравнодушен, но мне так нравилось фотографироваться и все получалось так хорошо, что я согласилась. Наверное, со стороны это выглядело совершенно неприлично: молодая замужняя женщина разъезжала по всей Калифорнии с молодым же фотографом, иногда ночуя с ним в одной комнате (просто не было других свободных). Конечно, это вызвало бурю негодования со стороны Этель Догерти, какой свекрови понравится такое поведение

невестки. Джиму полетели разоблачающие меня письма, но тот остался спокоен, подозреваю, что муженьку было все равно, чем там занимается его жена, он занят своими делами.

Мы сделали большое количество прекрасных снимков, часть которых Конновер опубликовал в журналах, часть подарил мне. Я осознала, что могу стать фотомodelью, хотя Грейс всегда прочила большее.

Но фотомodelями хотят стать тысячи красивых девушек, у многих прекрасные фигуры, многие фотогеничны. Где гарантия, что повезет именно мне?

И все же, когда стало ясно, что выбор невелик — тоскливое замужество или новая жизнь, я решилась.

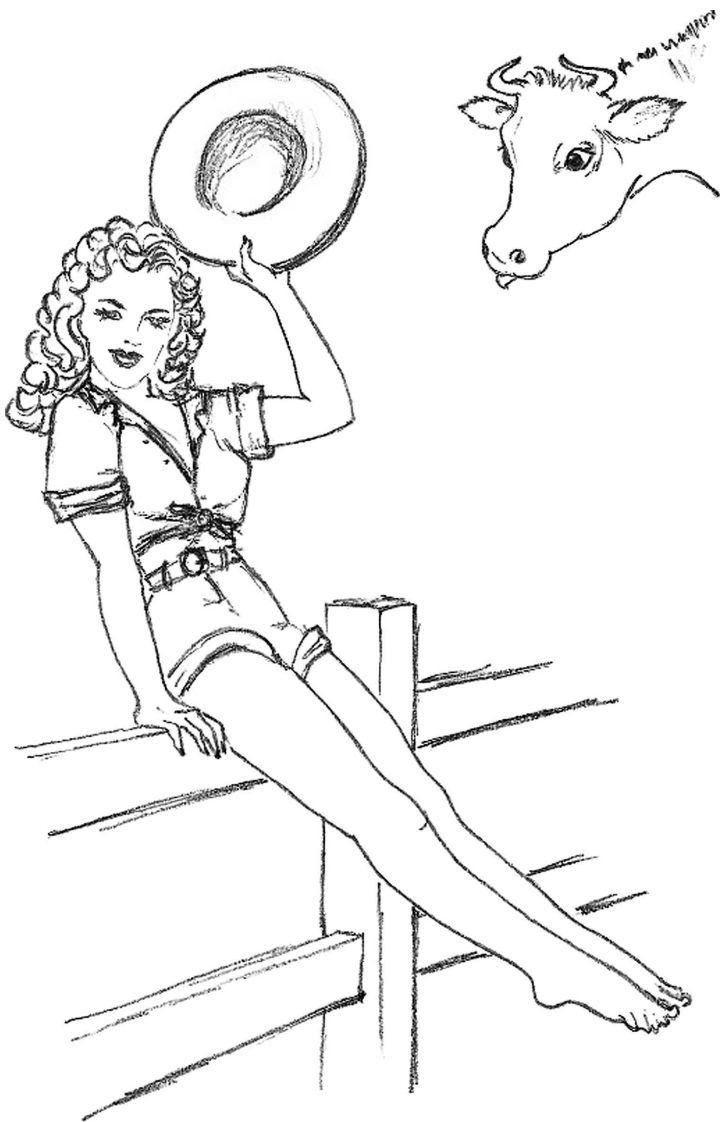
О, как это было трудно. Полдня я собиралась, красилась и перекрашивалась, меняла одно дешевенькое платьице на другое, переобувалась и снова переодевалась... В результате волосы лежали хуже некуда, дыханье перехватывало так, что и без заикания звука не выдавить, колени дрожали, и походка стала совершенно нелепой...

Доведя себя до полной непригодности, я вдруг отправилась в агентство.

Мисс Снайвли оказалась дамой очень тактичной, она не выгнала меня с порога, а попросила пройтись. Единственным желанием было вцепиться в край стола и остаться сидеть, потому что идти на деревянных ногах, с подгибающимися коленями очень тяжело. Голос дрожал, губы тоже, в глазах мольба, видно, она и заставила мисс Снайвли взяться за меня.

Решительности мисс Снайвли можно позавидовать, сначала она раскритиковала во мне все: походку, волосы, голос, манеру двигаться вообще... потом заявила, что если я твердо решила стать моделью и готова приложить для этого немало усилий, то у меня получится все, потому что во мне есть шарм, а это многого стоит.

Однако были нужны деньги для оплаты занятий, и деньги небольшие, для меня тогда недостижимые — сто долларов за трехмесячный курс подготовки модели. Я сникла:

— Прошу извинить, у меня нет денег.

— Вам не придется сейчас платить, занимайтесь в долг, все вычтут из Ваших будущих заработков.

Понимаете, когда Вас берут на работу, о которой мечтают тысячи других, да еще и согласны учить в долг, рассчитывая на будущие заработки, это похоже на сказку. Меня больше всего поразила именно уверенность в будущем.

— Вы полагаете, они будут?

— У Вас? Конечно, если Вы не дура и не лентяйка.

Даже если я была до того момента дурой и лентяйкой, то мгновенно излечилась от обоих недостатков (хотя мой муж Артур Миллер вовсе так не считал).

Начались занятия, во время которых Мэри Смит учила нас ухаживать за лицом и телом, основам макияжа, миссис Гэвин Брэдсли — двигаться при демонстрации одежды, а сама мисс Снайвли — принимать красивые и выигрышные позы во время съемки.

Мной она занималась, кажется, особо, потому что мисс Снайвли не нравилось многое — слишком громкий смех, разболтанная вихляющая походка, слишком широкая улыбка, из-за которой нос расплывался картофелиной и становился очень большим... Но я очень старалась научиться все делать правильно, и мы исправили все, что возможно исправить. Конечно, денег на операцию по уменьшению носа и исправлению неправильного прикуса, из-за которого верхние клыки несколько заходили за нижние, у меня не было, эти дефекты были исправлены позже на средства Джонни Хайда, как и мой овал лица.

Учиться ходить, владеть своим телом, принимать эффектные позы и делать эффектные жесты... что может быть лучше и интереснее, тем более потом меня фотографировали.

Я очень люблю фотографироваться, это совсем не то, что кинокамера. Уже рассказывала, чем привлекателен фотоаппарат, в том числе и возможностью переделок. Но я довольно быстро научилась работать сразу «набело», как говорили многие фотографы. У меня со всеми наладились хорошие отношения. Иногда мне кажется, что это лучшее время в моей жизни. Пока еще ничего особенного не требовалось, все получалось, снимки были хорошими, фотографы мной довольны, реклама зубной пасты или лыж в купальнике меня не утомляла. Иногда я задавала дурацкие вопросы вроде того, к чему рекламировать зубную пасту полуголой, но довольно быстро осознала, что красивое женское тело привлечет внимание и к зубной пасте.

Я часами простаивала перед зеркалом, вернее, принимала разные позы и строила физиономии, чтобы понять, в чем моя слабость и сила, а также просто научиться. Конечно, это никак не могло понравиться свекрови, Этель написала Джиму о неприличном поведении его жены, тот прислал мне очередное письмо с обещанием прекратить это безобразие, как только вернется.

Из дома Догерти пришлось уйти, я отправилась жить к тете Энн, сняв маленькую квартиру у нее на первом этаже.

Я не была приучена к большим деньгам, а потому заработка вполне хватало, чтобы одеваться и сносно питаться. По меркам Нормы Джин Бейкер, я могла себе многое позволить.

А мои снимки — это Пинап, знаете такие картинки, на которых хорошенькие женщины в соблазнительных позах и обязательно с обнаженными ножками делают вид, что занимаются обычными делами — убирают квартиру, ходят за покупками, играют со щенком...

Правда, при обычном Пинапе с фотографий делали рисунки, где фигуры девушек значительно улучшали, как и черты их лица, требовалось только умение принимать соблазнительные позы. С моих фотографий никто ничего не срисовывал, их сразу размещали, как есть.

Док, я очень много якаю, да? Но как же иначе, ведь рассказ идет обо мне самой? Наверное, когда я (снова «я»!) начну говорить о Мэрилин Монро, тогда буду и Вам, как доктору Уэкслеру, говорить в третьем лице: «Мэрилин сказала... Мэрилин подумала...» А пока терпите мое ячество.

Вы вообще терпеливый, это очень удобно. Вы есть, и Вас вроде нет. Я не задумываюсь, слушаете ли Вы мои записи и как можете потом их использовать. Важнее, что я проговариваю все сама, не по требованию психоаналитика или его заданию и под строгим взглядом, а просто сама, о чем хочу и что хочу. Знаете, так удобнее. Хотя доктор Гринсон тоже не давит на меня, но он зачем-то старается вытащить негативные воспоминания о детстве, а мне удобнее и легче вспоминать не только трудности, но и хорошее.

А еще мне удобно представлять Вас таким, каким я хочу в данный момент, не ждать оценки своих слов и мыслей, не ждать их разбора.

Когда рассказываешь свободно, кажется, что жилось не так уж и плохо, были счастливые минуты, была радость, что за спиной нет ничего страшного, что могло бы исковеркать мою нынешнюю жизнь.

Док, а вдруг это поможет снять мои страхи совсем? Тогда я расцелую Вас при всех и всем расскажу, что Вы лучший доктор в мире, что не нужны длительные мучительные сеансы психоанализа с погружениями и вытаскиванием негатива. Нет, может, кому-то они и нужны, но только не мне. Вытаскивая негатив, я не освобождаюсь, а лишь глубже в него погружаюсь. У меня был такой тяжелый опыт с доктором Крис, когда все закончилось психушкой. Сейчас не буду об этом вспоминать, но потом расскажу обязательно. Что я была в психушке, всем известно, но не все знают, как страшно оказаться в четырех стенах с зарешеченными окнами, стеклом в двери и отсутствием надежды когда-либо оттуда выйти. А тебя при этом еще и тысячу раз спрашивают: «Почему Вы чувствуете себя несчастной в этом помещении?!»

**Нашла для себя интересное занятие —
срисовывать старые фотографии. Вот одна
из них. Самая глупая роль — словно болонка
в корзинке**

Если Вам удастся вытащить меня из прошлого негатива, из неуверенности, из сомнений и отчаянья, моей благодарности не будет предела. Этим Вы спасете меня.

Но я вернусь в то время, когда еще не было Мэрилин Монро, а Норма Джин решала для себя, кем ей быть.

Мисс Снайвли настояла, чтобы я осветлила волосы. Она приводила множество примеров успешных блондинок, в том числе и Джин Харлоу. Я могла бы в ответ привести не меньше примеров успешных брюнеток, но довод в виде Джин Харлоу был слишком серьезен, ведь это мечта моей мамы, Грейс и моя собственная.

Наступление шло со всех сторон, и я наконец оказалась в студии Рафаэла Вольфа, который потребовал ради рекламы какого-то шампуня перекраситься. Вольф тоже настроен против моих каштановых волос и отправил в салон «У Фрэнка и Джозефа».

Приговор в салоне был однозначен: волосы выпрямить, укоротить и перекрасить в светлый цвет, потому что они слишком вьются и на фото выглядят слишком темными. Кажется, я даже заплакала, словно предчувствуя изменения всей жизни. Знаете, такое бывает, когда, меняя внешность, человек сильно изменяется сам.

— Я буду слишком неестественной.

— Если самой краситься пергидролом, конечно. Нужно посещать специалиста и ухаживать за волосами постоянно. Поверьте, Ваш цвет — платиновая блондинка, как Джин Харлоу.

Стоит ли говорить, что упоминание Харлоу было последней каплей. Правда, я не рискнула стать совсем светлой, только перекрасилась в золотисто-белокурый цвет.

Понравилось всем, особенно вернувшимся в Лос-Анджелес Годдардам (им не удалось прижиться на востоке, и они предпочли вернуться из Западной Вирджинии в Калифорнию). Понра-

вилось и мне, особенно когда меня сняли в небольшом фильме без звука, где пришлось продемонстрировать купальник.

Не понравилось только Джиму. Он приехал в Лос-Анджелес на побывку после полуторагодичного отсутствия. Но сейчас я вполне понимаю Джима, никому не понравится, если твое место на супружеской кровати занято. Нет, нет, Док, не подумайте, что я привела в дом любовника (хотя таковой у меня появился)! Сейчас расскажу, что произошло, это очень важно.

Мисс Снайвли очень старалась показать меня самым знаменитым и талантливым фотографам, если только узнавала об их присутствии в Лос-Анджелесе. Так случилось и с Андре Де Динсом, с которым мы познакомились еще осенью (тогда я не была золотоволоской).

Андре — фотограф от Бога, как бывают таковыми музыканты, живописцы, поэты... Он и камера составляют во время работы единое целое, мне иногда казалось, что они впрямь срастаются. Андре гениально чувствует освещение, позу, но не любит работать в студии. Все верно, там нет легкого ветерка, развевающего платье или треплющего волосы, нет солнечного света, нет запахов, а ведь все это очень важно.

Де Динс пригласил меня поработать на натуре и увез за город. Я уже проходила съемки на природе с Конновером, но с Де Динсом все совсем иначе. Никаких наигранных поз, никаких заученных движений, все естественно и безумно красиво, а еще целомудренно.

Голосование на шоссе босиком и в довольно растрепанном виде (мы страшно мешали движению, но ни один водитель не возмутился, все терпеливо ждали, принимая меня за звезду) не производило впечатления «девицы с шоссе», казалось, мой велосипед просто упал с обрыва и мне нужна помощь. Многие води-

тели, вынужденные ждать, так и решили, наперебой предлагая нам подвезти до города.

На фотографии у забора, где у меня открыт живот, потому что рубашка завязана прямо под грудью, ничего крамольного, просто девушка только что возилась с козленком или лошадкой и сейчас вернется в дом. Кстати, козленок, вернее, ягненок тоже был, он такой миленький и так доверчиво прижимался ко мне, вовсе не протестуя, что его снимают.

Всем снимки очень нравились, кроме семейства Догерти. Если честно, то возмутись Джимми основательно, запрети он мне любые фотосессии или общение с Андре, тогда я еще послушалась бы и не знаю, как сложилась бы моя жизнь. Но приехавший в отпуск Джим равнодушно разглядывал фотографии, на которых я действительно хороша, равнодушно слушал мои рассказы об успехах в карьере фотомодели, равнодушно отбрасывал в сторону журналы, на глянцевых обложках которых красовалась его жена. Ему было все равно.

В большой степени именно равнодушие мужа подтолкнуло меня согласиться с предложением Андре Де Динса отправиться в новое путешествие, только теперь уже подальше, причем на Рождество.

Я ждала бури, опасалась, что Джим побьет меня, опасалась скандала, готовая отступить при первых признаках недовольства, а столкнулась... только с неудовольствием по поводу своего отсутствия на Рождество. Нет, возмущалась Этель Догерти, ужасалась тетя Энн, злился и сам Джим, но он не сказал мне ни слова. Не стукнул кулаком, не запер меня в квартире, не побил, в конце концов. Джим злился молча, что разозлило меня тоже. Я уехала с Андре на съемки.

Мы объездили чуть не все Западное побережье, посетили многие штаты, фотографировали на пляже и в пустыне, в горах и у водопадов Йосемитского национального парка.

Конечно, Андре очень хотел, чтобы я стала его любовницей, я долго держалась, но все решила встреча с мамой. Во время телефонного разговора с Грейс та сообщила, что Глэдис выпустили из больницы и она живет в Портленде в штате Орегон. Мы были совсем рядом, в штате Вашингтон, и решили заехать проведать мою маму.

Это была ужасная встреча! Дело не в том, что мы давно не виделись и Глэдис просто не узнала меня, она была безразлична ко всему. Жалкая, потерянная женщина даже не протянула навстречу руку, не приподнялась с плетеного кресла. Она не обняла меня в ответ, не посмотрела фотографии, не взяла принесенный подарок.

Мы не знали, что делать и о чем говорить, Андре страшно нервничал, не в силах мне помочь. Когда я просто опустилась на пол у ног матери, размышляя, как быть, она вдруг тихо произнесла:

— Я хотела бы жить с тобой, Норма Джин.

Трудно передать мой ужас от этих слов. С одной стороны, я понимала, что не должна бросать беспомощную мать вот в таком состоянии одну, с другой, куда могла бы забрать, в крохотную квартирку, в которую вернется после увольнения Джим? Но там и кровать-то одна. Да, я уже зарабатывала достаточно, чтобы содержать и маму тоже, но это значило забыть о своей мечте, забыть о возможности стать еще кем-то.

А карьера фотомодели не вечна, довольно скоро меня перестанут снимать так интенсивно, и можно снова оказаться не у дел. Тогда снова завод и нищета. И как Джим, который недоволен моей карьерой, отнесется еще и к необходимости терпеть в доме душевнобольную тещу?

А Андре вдруг стал говорить, что мы скоро поженимся и переедем в Нью-Йорк! Это означало отказ в помощи моей матери.

Мне стало плохо, я попыталась смягчить заявление Андре, как-то обещать помочь.

— Мама, мы скоро увидимся с тобой снова.

Если бы я могла, наверное, забрала бы ее сразу, хотя очень страшно взваливать на себя такой груз ответственности. Но я сама зависела от всех: Андре, Джима, Этель, Энн...

А еще очень страшно видеть перед собой, возможно, собственное будущее. Разве не была безумна бабушка, брат мамы, отец бабушки?.. В моей семье у предков достаточно много примеров странного помешательства, это какой-то уход в себя, когда человек и существует на Земле, но его словно нет. Меня часто упрекают, что я отсутствую, внешне присутствую. Джонни Хайд даже говорил, что мне нельзя заниматься актерством серьезно, потому что это подразумевает копание в психике, что я должна играть легкие, комедийные роли. А я очень люблю психоаналитиков, люблю читать Фрейда и разбираться, что чувствую и почему. Это плохо и вредно? Может, Хайд был прав? О Хайде я Вам расскажу потом, он замечательный и много для меня сделал.

Всю дорогу обратно я проплакала, Андре старался утешить меня во всем, мы стали любовниками. Это совсем не то, что Джим, я чувствовала, что со мной спят не по супружеской обязанности, а по любви. Наверное, Джимми тоже любил меня, но как-то иначе, как свою жену, которую любить положено.

Поездка меня сильно изменила, даже сильнее, чем все предыдущие месяцы учебы и работы фотомodelью. Я стала неверной женой и вдруг осознала свою ответственность за кого-то еще.

Дома ждал разъяренный Джим. Его наконец прорвало, но Джимми не поднял руку, он просто устроил один за другим несколько скандалов, требуя, чтобы я прекратила сниматься и разъезжать по всей стране с мужиками. Ему нужна нормальная жена, а не фифа с журнальных обложек, я должна родить ребенка и прекратить фривольные съемки!

Впервые я огрызнулась.

— Какого черта?! Тебя нет дома два года, а я должна сидеть на пороге и ждать? Я тоже хочу жить и зарабатывать деньги. Что плохого в том, что я снимаюсь?!

Мы поссорились, а потом, к моему ужасу, показалось, что я в положении. Несколько дней я просто сходила с ума, все складывалось так плохо, что не придумаешь, как выпутаться. Я даже не могла точно сказать, от кого этот ребенок, он мог быть и от Де Динса, чего Джимми не простил бы мне никогда. Всю жизнь быть под таким подозрением или развестись и воспитывать ребенка одной, как это делала моя мама? К тому же существовала и она сама, забрасывавшая меня письмами с просьбой позволить приехать и жить со мной.

Андре Де Динс и его любовь отошли на задний план. Я знаю, он признал бы ребенка своим, хотя тоже сомневался в отцовстве, но ему не нужна Глэдис Бейкер, значит, всю жизнь мучилась бы совестью я.

Слава богу, опасения оказались напрасными, беременность с непонятным отцовством не состоялась, с души свалился хотя бы этот камень.

Джим отбыл на свой корабль, в этот раз я уже не провожала его со слезами на глазах и не цеплялась за рукав, умоляя не бросать. Мы оба понимали, что следующий приезд будет означать развод. Просто Джим поставил меня перед выбором — либо он и семья, либо карьера, жена с обложки ему не нужна. Я была не против развода, понимая, что нормальной семьи уже не будет, но, как всегда, не решалась сделать это сразу.

Но теперь я не могла спокойно жить, зная, что моя мать где-то там в плохоньком отеле одна-одинешенька и очень хочет переехать ко мне. Прекрасно понимала, что ни на какую работу ее не возьмут (она писала мне, что постарается сразу же устроиться на киностудию снова на обработку пленок, потому что не потеряла

навыки), никто не станет связываться с женщиной, пробывшей в психушке столько лет.

Понимала и то, что Глэдис будет страшной обузой для меня, а также то, что это станет последней каплей, которая переполнит чашу терпения Джимми. Хотя последнего как раз не боялась, пусть, все равно развод. Но я уже не могла оставить маму без помощи. Знаете, пока не видела ее вот такой — беспомощной и ни на что негодной, — думала о Глэдис спокойно, как о чужом человеке, но теперь картина безучастно сидящей в кресле женщины не выходила из головы. Вопреки всем советам — тети Энн, Грейс, даже Снайвли — я отправила маме деньги, чтобы расплатиться с долгом за отель и купить билет в Лос-Анджелес.

В крохотной квартирке две комнатухи и всего одна кровать, где и стали спать мы вдвоем. Конечно, я могла выкинуть что-то из мебели и поставить вторую кровать, оставив большую для нас с Джимом, но я этого не сделала. Приехав в очередной раз на побывку (он теперь служил неподалеку от дома), Джим застал дома Глэдис, а на кровати ее ночную рубашку. Безо всяких объяснений Джим развернулся и полчаса спустя жил дома у своей матери. Слово «развод» прозвучало твердо. Я понимаю, что ему вовсе не нужна самостоятельная жена, уже не подвластная его воле и приказам, к тому же с таким довеском, как сумасшедшая мать.

Мы остались с мамой, а Джим снова ушел в море.

Но мама долго в нашей квартирке не прожила, она сама почувствовала, что ей лучше, когда вокруг больничные стены. Глэдис забрали в клинику в Южной Калифорнии.

Тогда я не понимала, что это такое, пока сама не оказалась в клинике. Правда, мама жила в обычных условиях, а я была в палате для буйных помешанных (это устроила доктор Крис, я потом расскажу!), но все равно психушка есть психушка. Я старалась присылать туда деньги, даже когда у меня самой нечего

